

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ИВАНОВ

*доцент кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург)
E-mail: andriv78@yandex.ru*

В статье представлены взгляды современников на лидера правых в III–IV Государственной думе Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945). Благодаря введению в научный оборот новых материалов, статья существенно дополняет имеющиеся в исторической науке сведения и представления о правом политике и позволяет представить его облик более рельефно и ярко.

Ключевые слова: Государственная дума, фракция правых, Николай Евгеньевич Марков, Союз русского народа, черносотенцы.

**«Он силен волею и темпераментом...» Правый депутат
Н.Е. Марков глазами современников**

Нельзя сказать, что имя одного из самых известных депутатов Государственной думы III–IV созывов Николая Евгеньевича Маркова (2.04.1866–22.04.1945) сегодня пребывает в забвении. Об этом видном правом политике, возглавлявшем в 1912–1917 гг. черносотенный Союз русского народа, на сегодняшний день написано уже немало научных, научно-популярных и энциклопедических статей¹, в которых довольно подробно излагаются его политические взгляды, партийная и депутатская деятельность, основные вехи биографии, однако масштабная личность Н.Е. Маркова (Маркова 2-го, как называли его в Государственной думе, чтобы не путать с дядей – Н.Л. Марковым, также депутатом Думы²), несомненно, заслуживает большего внимания. Представляется, что наброски к портрету одного из лидеров думской фракции правых, сделанные его современниками, позволяют представить личность Маркова более выпукло и добавить несколько новых ярких штрихов к его образу.

«Из третьей Думы марковский голос услышала вся страна. Впечатление было сильным...», – пишет один из биографов политика Р.Б. Ромов³. Наблюдение это справедливо. Несмотря на то, что политическая карьера Н.Е. Маркова началась в 1905 г., всероссийскую известность он получил благодаря избранию депутатом в III, а затем и в IV Государственную думу. Именно Дума помогла правому политику прогреметь со своими речами на всю страну и стать персоной, привлекавшей к себе внимание самых широких кругов русского общества, вне зависимости от оценки ими его личности, взглядов и действий.

За лидером думских правых закрепилось немало прозвищ. Либерал-

лы и левые называли Н.Е. Маркова «Марков-валяй»⁴, «курским зубром»⁵, «курским соловьем»⁶, «тяжелым орудием правых», «вождем всей реакционной массы курского мещанства»⁷, «стоеросовым помещиком»⁸; правые — «истым черносотенцем»⁹, «упорным, кипучим и решительным борцом с революцией»¹⁰, «печальником земли русской» и «могучим курянином»¹¹. В Думе же за ним закрепилось шутовское прозвище «Медный всадник», появившееся из-за заметного внешнего сходства Маркова с императором Петром Великим¹².

Практически каждый, кто сталкивался с Н.Е. Марковым, в первую очередь обращал внимание на его колоритный внешний вид. «Господин Марков, владея непринужденностью движений и политических приемов руководителя «Союза русского народа», имеет к тому же могучую фигуру, роскошную шевелюру и зычный голос», — иронично писала кадетская «Речь»¹³. Среди депутатов «выделялся представительный, высокий лидер правых Марков II, с густыми, длинными волосами, зачесанными назад и падающими на воротник, с претензией на сходство с Петром I», — отмечал член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела Ю.С. Карцов¹⁴. «Большая голова с обильными черными кудрями, крупные, топором высеченные, черты лица. Черные, кошачьи, торчком стоящие усы и плотно сжатый недобрый рот придавали ему отдаленное сходство с карикатурой на Петра Великого. Марков это знал и этим сходством очень гордился», — таким запомнила правого депутата член ЦК кадетской партии А.В. Тыркова-Вильямс¹⁵.

Но если для деятельницы кадетской партии Н.Е. Марков, которого она именует «кадетоедом», имел с императором Петром I лишь карикатурное сходство, то для тех, кто относился к правому политику более благожелательно, сходство это казалось несомненным. Великий князь Константин Константинович (известный поэт «К. Р.») в ходе разговора с кадетом А.Л. Марковым узнав, что тот племянник известного депутата Государственной думы, заметил: «Ну, брат, твой дядюшка, как две капли воды, на Петра Великого похож и ростом и наружностью. Без грима Саардамского плотника играть может»¹⁶. «Николай Евгеньевич Марков — личность выдающаяся. Уже одна внешность его необыкновенна, — писал в 1908 г. националист А.И. Савенко. — Помню, я еще до открытия третьей думы вхожу в клуб правых и умеренных и вдруг — вижу, в зале стоит... Петр Великий, живой Петр Великий. Сходство доходит до иллюзии. Я даже взволновался... Это и был Н.Е. Марков, с которым я тогда и познакомился. Это человек огромного роста и соответственного телосложения. Небольшие черные усыки и большая шевелюра, спускающаяся до плеч»¹⁷. «Огромным ростом, чертами лица и обильною шевелюрою представлял Марков прямую копию с портрета императора Петра I. Щеголяя этим сходством,

принимал он повелительные позы, давая понять — походит он на великого преобразователя не только одною внешностью», — отмечал в свою очередь Ю.С. Карцов¹⁸.

Поразительное внешнее сходство Н.Е. Маркова с Петром Великим заметил и писатель Р.Б. Гуль, встретивший политика-монархиста уже в эмиграции в берлинской церкви: «...Я впервые увидел бывшего члена Государственной думы, «легендарного», крайне правого и крайне эксцентричного в своих думских выступлениях Н.Е. Маркова II-го. По лицу и фигуре он был очень схож с Петром Великим <...> Роста столь же громадного, на голову выше всех стоявших в церкви, лицо энергичное, волосы пострижены словно в кружала»¹⁹.

Впрочем, для эмигрантского периода жизни правого политика более характерен был другой образ. Сразу же после февральских событий 1917 г. 50-летний Н.Е. Марков, скрываясь от революционных властей, изменил свой облик — состриг свои знаменитые кудри и отпустил начавшую сесть бороду, которая его заметно состарила²⁰. Бывший свидетелем допроса Маркова в Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства поэт А.А. Блок так описывал его внешность и манеру: «Лицо у него <...> загорелое, темное. Глаза черные, линии жесткие, глухой и озлобленный голос. Русский страшный Стенька. Красивые, желтые от загара руки. <...> Борода и усы седеют, виски зачесаны вперед. <...> Щипля бороду и глядя усы, Марков скалит белые зубы»²¹. «...Высокий с отпущенной бородой человек в широкополой шляпе и с суковатой палкой в руках. Это был член Государственной думы Н.Е. Марков, изменивший свой, слишком приглядевшийся, облик», — так описывал внешний вид политика-монархиста в 1917 году П.И. Якобий²². «Несколько лет спустя встретился я с Марковым в Берлине, — вспоминал Ю.С. Карцов. — Наружности Петра Великого у него уже не было: он похудел, на щеках его появились бакенбарды, и волосы остриг он короче»²³. На исчезнувшее в результате смены имиджа сходство с Петром Великим обратили внимание корреспонденты практически всех изданий, увидевшие лидера крайне правых на съезде русских эмигрантов в Париже. «...Любопытство вызывает Марков, и даже не столько сам бывший курский депутат, сколько его борода. Этой бороды многие из делегатов не видели, и вот она повергает в недоумение: тот ли самый это Марков?», — писало «Возрождение»²⁴.

Но не только старательно поддерживаемое в течение длительного времени Марковым внешнее сходство с первым русским императором бросалось в глаза современникам. «Высокого роста, он обладал незаурядной внешностью, голову нес высоко и горделиво, в разговорах был резок и заносчив. В карих глазах его виднелась не столько решимость и энергия, сколь упрямая непримиримость», — делился своими воспоминаниями министр земледелия А.Н. Наумов, обращавший вни-

мание на «запальчивое нутро» Маркова²⁵.

Резкость и довольно грубую манеру говорить отмечали за Н.Е. Марковым многие. А.А. Блок, характеризуя стиль общения Маркова со следователями ЧСК ВП, замечал, что допрашиваемый «говорит все тоном, вплотную подходящим к нахальному»²⁶ и все время держится «вызывающе, у предела наглости»²⁷. «Богом бестактности» называл Маркова думский депутат князь С.П. Мансырев²⁸. Единомышленник и земляк Маркова, член правой группы Государственного совета М.Я. Говорухо-Отрок характеризовал свойственный лидеру правых тон «шокирующим», но при этом признавал, что тон этот «пришелся как раз по вкусам слушателей». «...Независимостью своих убеждений, бесстрашием и умением с величайшим апломбом парировать ругательства противника он производил подавляющее впечатление на аудиторию. Когда он острил над кадетами-попами, уличая их в пьянстве, смеялся над русской революцией в глаза революционерам или хвалил Императора Вильгельма, плюющего на конституцию и прижавшего хвост социалистам, и правые, и левые восторгались его выходками, а кадеты бледнели от злости и называли его “хулиганом”. “Этот срежет”, “он не даст ходу”, “на одного такого орла наших десятка мало” — вот в каких выражениях одобряли его трудовики»²⁹.

Запомнился Марков и большевикам. Думский депутат-большевик А.Е. Бадаев в 1930-е в характерном для того времени «стиле» так характеризовал своего политического противника-монархиста: «“Курский зубр”, или “Марков-Валяй”, как его называли, был главным лидером черносотенного лагеря. Это был откровенный погромщик, не устававший призывать к виселицам и расстрелам. Каторжная политика царского правительства казалась ему слишком мягкой. Представляя в Думе самое реакционное крыло помещиков, хорошо помнивших поджоги и разгромы имений в 1905 г., Марков требовал самых решительных мер против всяких проявлений не только революционного, но даже либерально-буржуазного движения»³⁰.

«Марков, верный сам себе, / Левых шелкает везде», — таким двустушием-экспромтом охарактеризовал вождя думских правых софракционер Маркова по III Думе граф А. А. Бобринский³¹. Депутат Б.А. Энгельгардт вспоминал, что Марков неплохо владел словом, речи его неизменно вызывали интерес, «хотя часто сопровождались взрывом негодования на левом крыле», так как, не стесняясь, лидер думских правых сыпал «резкими выражениями вовсю», причем проделывал это «в солидном тоне»³². «Могучим колоколом, звон которого раздается по всей Руси», — называл Маркова курский губернатор Н.П. Муратов³³.

Но если единомышленники Н.Е. Маркова из правого лагеря видели в его резкости и положительные моменты, то несколько иначе оценивали это качество правого депутата его политические противники.

Графу А.А. Игнатьеву Марков «казался просто грубым хамом»³⁴. Член Думы октябрист С.И. Шидловский дал Маркову следующую характеристику: «...Достаточно было послушать раз-другой обычного глашатая крайне правых Маркова П, чтобы пожелать избавиться от упрека единомыслия с ним. Этот весьма неглупый человек сознательно старался придать своим речам вообще, а полемическим приемам в особенности, такой отвратительный характер базарной ругани в третьестепенном трактире, что становилось против-но...»³⁵. «Соглашаясь с ним [Марковым], не хотелось соглашаться», – вторил ему националист В.В. Шульгин³⁶. «Нельзя, конечно, отказать ему [Маркову] в известных достоинствах – сила воли, напористость, темперамент, ораторский талант. Но этика с ним в хронической ссоре», – отмечал земец-октябрист Н.В. - Савич³⁷. «Он был человек с большим политическим темпераментом, с меткими словечками, не глупый, но необыкновенно грубый. Его даже нельзя назвать оратором, это был площадной краснобай. И во всем его облике было что-то грубое, наглое», – вспоминала А.В. Тыркова-Вильямс³⁸.

Сам же Марков в одном из интервью, данном в 1909 г., сетовал: «...После каждой резкости даю себе слово больше не говорить их. Но это уже дело темперамента»³⁹.

Но, отмечая эти специфические черты правого политика, современники также обращали внимание на несомненные ораторские способности Н.Е. Маркова, его высокий интеллект, бойцовские качества. Правда, в зависимости от политических взглядов людей, дававших Маркову характеристики, оценка одних и тех же качеств правого политика могла звучать несколько по-разному.

Как писал в 1923 г. в письме к генералу П. Н. Врангелю известный русский философ И.А. Ильин, не испытывавший особых симпатий к Маркову, «он силен волею и темпераментом и грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна, очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобоязнью, в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не вождь и не строитель, а трибун и демон с черным блеском в зрачке»⁴⁰. Но в том же году в письме к П.Б. Струве Ильин добавлял: «Марков человек умный, волевой и патриотичный. Не необразованный, прямолинейный и очень властный»⁴¹. «Несмотря на все свои личные крайности, – отмечал кадет В.А. Маклаков, – Марков слишком умный человек...». «Весьма способным» называл Маркова А.Ф. Керенский⁴², а А.А. Блок оценил лидера правых как «очень умного» человека⁴³. Сын московского генерал-губернатора полковник А.С. Гершельман, бывший в годы Гражданской войны и эмиграции единомышленником и соратником Н.Е. Маркова, отмечал, что речь его «была остроумна и хлестка» и как монархического оратора лидера правых «знала вся Россия»⁴⁴. «Надо все ж отдать ему

справедливость, — признавал А.Н. Наумов, — по-своему, «Марков 2-ой» являлся человеком неглупым и незаурядным. Он, несомненно, обладал даром красноречия и отличался большим самообладанием, не покидавшим его в самой враждебной обстановке»⁴⁵.

И действительно, выдержки Н. Е. Маркову было не занимать. Оппозиционные издания писали о нем как о «таране, не знающем усталости», «механическом Дон-Кихоте», «паладине правительства». «Марков 2-й, — писал летом 1915 г. либеральный журналист, — это не человек; это — сооружение. И напрасно говорят, что ему винтика не хватает. Все его винтики в совершенном порядке. Машина работает по-прежнему отчетливо и чисто. <...> Над кафедрой вознеслась голова Маркова 2-го. Таран. Послышался скрип. — Это раскачиваются цепи. И курский депутат принялся по своему обыкновению защищать правительство»⁴⁶.

При оценке Н.Е. Маркова как политика современники также неизбежно касались и такого щепетильного вопроса, как зависимость лидера правых от правительственных субсидий. В 1911 г. видный правый деятель Б.Н. Никольский даже спровоцировал Н.Е. Маркова на драку, обвинив его в ходе своего доклада в Русском собрании в получении «темных денег». Об этом же в своих мемуарах писал и другой правый деятель — Ю.С. Карцов, отмечавший, что «главный антрепренер черносотенного маскарада Марков II» за «тридцать сребреников казенной субсидии на издание газеты и устройство собственной организации» поступился «царской властью и черносотенство выдал правительству головою. Премьер Столыпин, не зная, как им нахвалиться, говорил про него: — Марков — это мой таран»⁴⁷. «На первом плане, — полагал Карцов, — у него (Н.Е. Маркова — А.И.) было не дело, которому он служил, а собственное «я» и материальные блага»⁴⁸.

Однако совершенно иначе смотрела на зависимость Н.Е. Маркова от финансовой поддержки со стороны власти А.В. Тыркова-Вильямс, не допускавшая мысли, что правый депутат, рьяно защищающий монархический принцип, не искренен, а всего лишь «куплен» правительством. «...Что же из этого? — писала она, комментируя обвинения Маркова в получении средств от царского правительства. — Для него это было естественно. Он всем нутром готов был поддержать самодержавие, готов был всеми силами его защищать. Для него драться против оппозиции было такой же потребностью, как для оппозиции бороться против самодержавия. Если Марков и получал субсидии, то он мог их брать, не торгуя своей совестью, своими убеждениями»⁴⁹.

Впрочем, здесь важен один нюанс. Если политическими противниками Маркова из либерального и левого лагеря его материальная зависимость от правительства часто преподносилась как то, что лидер думских правых является наймитом власти, а не искренним борцом за

идею (при этом понятия «правительство» и «самодержавие», как правило, смешивались), то оппонентами «курского зубра» из черносотенного лагеря подчеркивался иной аспект этой проблемы: в их глазах Марков, «купленный» П.А. Столыпиным, стал в интересах премьера действовать в ущерб самодержавным принципам. И если для А.В. Тырковой-Вильямс служба правительству и самодержавию была одним и тем же, то крайне правое крыло монархического лагеря смотрело на это иначе. Один из учредителей Союза русского народа Н.Н. Жеденов, принявший непосредственное участие в конфликте между Н.Е. Марковым и Б.В. Никольским на стороне последнего, так характеризовал лидера думских правых: «На словах он предан Самодержавию и крайне озабочен тем, чтобы довести до Государя якобы отстаивание им, Марковым, царских интересов, а на деле усердно помогает П.А. Столыпину...»⁵⁰ Обращаясь непосредственно к Маркову, Жеденов замечал: «Вот эта-то игра Ваша, г. Марков, между Самодержавием и захватчиками власти и внушила к Вам недоверие. Вы думали, что ее никто не видит, но в течение последнего года перемена в Вас обратила на себя общее внимание: Вы почували власть; она, запретная для Вас, уже успела Вас опьянить, и Вы потянулись за нею весьма и весьма-таки сильно»⁵¹. «Был он раньше <...> преданным Самодержавию Царскому, а теперь изменил уже этому знамени и ныне предан уже самодержавию бюрократов», — резюмировал Жеденов, выражая сожаление о том, что «даже такого монархического деятеля российский Талейран (т. е. П.А. Столыпин — А.И.) сумел свернуть на конституционное в его коварных целях сотрудничество»⁵².

Зато правому крылу русских националистов, высоко ценивших П.А. Столыпина и отличавшихся от черносотенцев дубровинского толка своим отношением к Государственной думе и столыпинским реформам, Н.Е. Марков казался истовым монархистом, а некоторым из них и человеком способным занять место убитого премьера. Невозмутимость и внешняя бесчувственность к выпадам со стороны политических противников, принципиальность и твердость политических взглядов заставляла депутата-националиста А.А. Ознобишина жалеть, что император Николай II не назначил решительного и энергичного Н.Е. - Маркова министром внутренних дел в критический для самодержавия период, при котором «правило «*salus publica — suprema lex esto*» («общественное благо — высший закон» — А.И.), не осталось бы пустым звуком, и он сумел бы использовать, худо или хорошо, <...> всю полноту власти», и что «время пребывания его в деятельности министра внутренних дел, во всяком случае, составило бы крупную эпоху в истории Государства Российского»⁵³.

Впрочем, соратники Н.Е. Маркова по правому лагерю отмечали за ним еще одну черту, логически вытекавшую из особенностей его

характера: «Ловцом человеков Марков был из рук вон плохим, — вспоминал Ю.С. Карцов. — Он не убеждал, не склонял, а интриговал⁵⁴ и запугивал. В крайней фракции правой партии Государственной думы господствовал он неограниченно. Но, как только кто из членов фракции позволял ему оппонировать, становился он грубым, язвил и говорил дерзости. <...> Понятно после этого, почему фракция не увеличивалась, а редела. Во избежание скандалов и обид, депутаты-монархисты покидали фракцию и переходили в национальную партию»⁵⁵. «Марков II помешан был на властолюбии и не выносил равного», — резюмировал Ю.С. Карцов⁵⁶. На это указывал и Н.Н. Жеденов, отмечавший, что «Марков то и дело указывает на необходимость беспрекословного ему повиновения», страдает высокомерием и вообще «в нем вообще сидит болезнь, так называемая *mania grandiosa* (мания величия — *А.И.*), или попросту заносчивость»⁵⁷. В «нелепом местничестве» обвинял Маркова в период эмиграции глава РОВС в Германии генерал А.А. фон Лампе⁵⁸.

Но ради объективности заметим, что были и другие оценки Н.Е. Маркова. Так, рассказывая волынским читателям о лидере правых, А.И. Савенко утверждал: «Типичный русак, мягкий и добродушный. <...> Человек глубоко убежденный, бесконечно искренний и правдивый, кристально честный, он производит чарующее, обаятельное впечатление. Широко образованный, умный и талантливый, он является украшением партии правых в думе. Это — фактический лидер правых, хотя он никогда не стремится вперед и всегда заботится только о деле и о согласии среди правых. Скромность и готовность на все личные жертвы ради общего блага, — вот основная черта этого выдающегося и бесконечно симпатичного человека»⁵⁹. Впрочем, эта оценка дана Маркову еще на заре парламентской деятельности курского депутата, когда его ригоризм, резкость и диктаторские качества, видимо, еще не успели проявиться в полной мере⁶⁰. Ведь тот же Савенко (правда, уже заметно сдвинувшийся влево) спустя семь лет заявлял: «Я против Керенских, но я в такой же мере и против Марковых 2-х. Я предпочитаю золотую середину умеренности»⁶¹.

На том же, что Н.Е. Марков был по своему характеру «диктатором», сходились как его противники, так и сторонники. По словам курского губернатора Н.П. Муратова, Марков, задавал тон всей губернии и, перефразируя Людовика XIV, мог смело утверждать: «Губернское избирательное собрание — это я»⁶². Либеральные же газеты и вовсе изображали в своих статьях Маркова деспотом, застрашавшим Курскую губернию и крепко держащим ее в свои руках, в связи с чем политик не без иронии замечал, что уже смирился с тем, что журналисты представляют его в виде татарского хана, «скачущего по своей курской вотчине, полосующего своих курских рабов нагайкой, заточающего курских горожан в железо, ссылающего безвинных курских страдальцев

в Сибирь...»⁶³

Между тем жители деревни Бобровка, где было расположено имение Марковых, да и всего села Охочевка Курской губернии, сохранили о Н.Е. Маркове добрую память. Рассказы о «барине» передавались из поколения в поколение и дошли до наших дней. Как сообщает краевед Б.М. Голованов, лично знавший людей, хорошо помнивших Маркова, включая и его родного деда, по рассказам старожил, курский помещик запомнился им «высоким, очень сильным, хорошо упитанным мужчиной»⁶⁴. Про его физическую силу старожилы рассказывали такой случай: в 1911 г., когда земство приступило к возведению в селе Охочевка школы, Марков, возглавлявший это строительство и недовольный качеством работы каменщиков, выложивших кривую стену, и желая доказать ее непригодность, снял пиджак и плечом нажал на стену, которая под его натиском завалилась. «Ну вот, теперь и спорить не о чем», — сказал Марков строителям, перед этим пытавшихся убедить его в качестве своей работы.

«Соседка Ольга Васильевна Королева была кухаркой у Марковых, отзывалась о них очень хорошо, — рассказывает Б.М. Голованов. — Она отлично готовила и имела кличку Бабка-похлебка. Да и другие тоже отзывались о Маркове, как о достойном человеке»⁶⁵. «С деревенскими [Н.Е. Марков] вел себя очень достойно. Из помнивших его жителей ни один не сказал о нем ни одного плохого слова. Имел одну особенность — никто и никогда не смог поздороваться с ним первым. Перед каждым встретившимся, кто бы это ни был, он за пять шагов, приподнимал белый картуз и всегда первым здоровался. Мужики на спор, на водку, не раз пытались опередить его в этом. Идет Марков, навстречу ему спорщики. Только инициатор начинает открывать рот, а Марков первым — здравствуйте. Мужики потом, ну что — поздоровался? — пошли в монополию (кабак), где проспоривший угощал компанию крючком водки (крючок — стограммовый железный стаканчик на длинной ручке)»⁶⁶. Как помещик Марков нередко помогал «своим» крестьянам, мог поднять мужику опрокинувшийся воз, дать денег погорельцам, «не демонстрировал обществу, что он большой барин, а вел себя просто». При этом Марков мог мужикам, подворовывавшим у него лес, и «в ухо дать», но «за такие вещи не обижались, попался — получи»⁶⁷.

Возвращаясь к довольно тенденциозной характеристике Н.Е. Маркова как «деспота», заметим, что благодаря свойственному политическому властолюбию и явно выраженным лидерским чертам он в свое время и стал одним из самых влиятельных вождей крайне правых. Ю.С. Карцов, критиковавший лидера правых за властолюбие, в то же время признавал, что Марков благодаря своим качествам стал «неограниченным хозяином Союза [русского народа]» и «властью делился с одним [Г.Г.] Замысловским»⁶⁸. «Мы все идеалисты. Один Марков практик.

Посмотрите, что сделал он с Курской губернией: настоящая Вандея...» — замечал член Главного совета СРН, депутат III Государственной думы С.А. Володимеров⁶⁹.

Н.Е. Марков действительно был «практиком». Лидер правых был далек от абстрактного теоретизирования, не претендовал на роль идеолога русского консерватизма, но сумел реализоваться как первоклассный парламентский боец. «Практиком» считал Н.Е. Маркова и Ю.С. - Карцов, отмечавший, что, будучи по образованию инженером-железнодорожником, правый депутат «обширными государственными познаниями не обладал», а «если что знал, научился тому из практики». «Мир общих идей был ему чужд, — констатировал Карцов. — Он был трудолюбив — надо отдать ему должную справедливость и, собираясь выступать в Думе, изучал вопросы и тщательно готовился. Но для совершения великого дела требуются качества, которых Маркову не доставало, — широкого ума, творческого дара, Божьей искры и самоотверженности»⁷⁰.

Но, пожалуй, из всех современников самую полную и всестороннюю характеристику Н.Е. Маркову дал курский губернатор и видный правый деятель Н.П. Муратов. Несмотря на произошедший между ними разрыв Муратов высоко оценивал Маркова, но и не умалчивал о тех чертах, которые ему были малосимпатичны. «Это был, несомненно, умный, даже очень умный человек, с большим характером, твердой волей, убежденный, искренний, упорный в достижении цели, но не добрый, не мягкий, а напротив, злобный и мстительный. Политически развитый, с достаточной эрудицией, доктринер, как всякий парламентский деятель, но не сухой, а с большой способностью к концепции, хороший оратор, с иронией в речах, всегда умных, тонких, порой очень остроумных и всегда интересных, Марков был политическим бойцом первого сорта, и Дума была его сферой... Если бы в наших четырех Думах было побольше деятелей, подобных ему, правое дело не было бы в таком загоне»⁷¹.

И в то же время Муратов отмечал, что вне Думы «свидетельствовалась его неспособность стать в своем стане собирателем сил», так как «Маркову очень много не доставало». «Строгий догматик, он никаких уклонений от догмы не признавал: или союзник, или пошел вон, и не просто вон, а с заушением, с улюлюканием. Формула, что все не сочувствующие Союзу Русского Народа или не разделявшие его исповедания веры — левые или кадеты, была чем-то незыблемым, проводимым в жизнь с неуклонным упорством, достойным лучшего назначения <...> Этот ригоризм <...> несколько не смягчался личным отношением Маркова к людям. <...> Марков никогда посторонних политике разговоров не вел... Это было скучно. Он никогда не шутил, не смеялся, даже не улыбался, и если кривила его красивый маленький

рот усмешка, то не веселости, а иронии... Его заметная фигура, его недобрый взгляд, его ригоризм политического сектанта стесняли, становилось не по себе – и скучно, и нудно. Смотря на Маркова, зорко наблюдая за ним, прислушиваясь к нему, я всегда думал: да, да, все это очень хорошо: и твердость, и непоколебимость, и упорство, и неослабное внимание, и бессменное стояние на посту, но нельзя же без передышки – до бесчувствия... <...> Самым ужасным <...> был усвоенный Марковым и строго проводимый принцип, что правый фланг прикрывает груз. Этот принцип способствовал тому, что около Маркова, человека безусловно честного и чистого, ютились люди очень малодостойные уважения <...>, но распинавшиеся перед ним в своей правизне»⁷².

Завершая статью, заметим, что личность одного из самых известных депутатов Государственной думы Российской империи, привлекала к себе самое пристальное внимание современников. Одни относились к Н.Е. Маркову негативно, другие – напротив, выказывали ему свое уважение, но равнодушным этот, вне всякого сомнения, яркий, самообытный и талантливый политик не оставлял никого. В этой незаурядной личности мемуаристы отмечали самые разные черты и качества, но тем не менее отбрасывая пристрастность отдельных суждений, мы видим сильного политического бойца. Умный, находчивый, смелый, твердый в своих взглядах, целеустремленный, блестящий оратор, диктатор, человек резкий, а порой и просто грубый, не чуждый интриги и самолюбования и в то же время «человек принципов», Н.Е. Марков был, вне всякого сомнения, выдающимся русским политиком начала XX в., сформированным и закаленным новыми, отчасти враждебными ему реалиями «думской монархии».

¹ См., напр.: *Богоявленский Д.Д.* 1) Н.Е. Марков и Совет Министров: Союз русского народа и самодержавная власть // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее: сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 192–204; 2) Союз Русского Народа в 1909–1912 гг.: конфликт А.И. Дубровина и Н.Е. Маркова // Наше Отечество: страницы истории: Сб. науч. тр. М., 2002. С. 121–131; *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А.* 1) «Курский зубр». Николай Евгеньевич Марков (1866–1945) // Воинство святого Георгия: Жизнеописание русских монархистов начала XX века. СПб., 2006. С. 109–142; 2) Марков Н.Е. // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 282–286; *Брачев В.С.* «Отчаянные» думские речи лидера правых Н.Е. Маркова в канун Февральской революции // Труды по русской истории: сб. ст. в память о 60-летию И.В. Дубова. М., 2007. С. 417–471; *Ганелин Р.Ш.* Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Евреи в России: история и культура. СПб., 1998. С. 211–218; *Иванов А.А.* 1) «Берлинский зубр»: Марков 2-й на чужбине // Родина. 2009. 4. С. 92–94; 2) Политическая деятельность Н.Е. Маркова в годы Гражданской войны и

эмиграции (1918–1930-е гг.) // Белое движение на Северо-Западе России и судьбы его участников: материалы Третьей междунар. науч.-ист. конф. Псков, 2009. С. 26–37; 3) Провокация или эмоциональный срыв? Выходка Н.Е. Маркова в Государственной думе 22 ноября 1916 г. // Таврические чтения 2010. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная науч. конф. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2011. С. 220–230; *Кабытова Е.П.* «Зубр» Николай Евгеньевич Марков 2-й // Дворянское собрание: ист.-публицист. и лит.-худож. альманах. 1994. 1. С. 142–146; *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков Н.Е. // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 357–359; *Омельяничук И.В.* Марков Н.Е. // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 305–308; *Репников А.В.* Марков Н.Е. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб., 2004. С. 495.

² Оппонент Н.Е. Маркова – крайне правый монархист Н.Н. Жеденов полагал, что лидер думских правых нарочито пользуется приставкой к фамилии «второй» в качестве своеобразного титула. «...Если г. Марков в здравом уме, то пусть скажет, что означает 2, который он прибавляет к своей фамилии? Я разбирал, главным образом, его деятельность в Главном совете Союза [русского народа], в котором есть только один Марков. Никакого другого Маркова ни я, да вряд ли и другие кто, не знаем. В Государственной думе он носит этот номер, но его дядя числится в стане октябристов и называется по отчеству Львовичем, так что принять их одного за другого никак невозможно и ставить номер для их различия совершенно незачем. Союзники же знают одного Маркова и, упоминая его фамилию, номера к ней не прибавляют. Для чего же г. Марков этот номер ставит, если не для придания себе величия?... <...> Но это все-таки личное дело г. Маркова – нравятся титулы, пусть наслаждается» (*Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа / Сост., предисл., коммент. Д.И. Стогов. М., 2013. С. 530).

³ *Ромов Р.Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дисс. ... к. ист. н. М., 2003. С. 416.

⁴ См., напр.: *Князев Г.А.* Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Подг. текста, предисл. и прим. А.В. Смолина // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1991. 2. С. 178; *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. Большевицкая фракция IV Государственной думы и революционное движение в Петербурге. М., 1932. С. 145.

⁵ Выступая в 1907 г. на I Всероссийском съезде земских деятелей в Москве как представитель курского земства, имевшего репутацию наиболее консервативного, Н.Е. Марков заявил, что «дворяне исчезают, как зубры в Беловежской пуше» (*Душенко К.* Цитаты из Русской истории от признания варягов до наших дней. Справочник. М., 2005. С. 84–85. Автор ссылается: Русские ведомости. 1907. 12 июня). Эту марковскую фразу приводит в своих воспоминаниях и октябрист Д.Н. Шипов, отмечая, что Н.Е. Марков «сравнил себя и своих единомышленников с вымирающими зубрами» (*Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 2007. С. 515). Словечко «зубры»

подхватил и предал ему несколько иное звучание депутат I Государственной думы трудовик И.В. Жилкин, заявивший, что Марков «умолял оставить в руках вымирающих зубров всю власть и все дела России. Присутствующие зубры долго и шумно аплодировали курскому красноречивому зубру. (...) Всплыли ораторы зубры из других губерний». «...По крайней мере, ясно будет для всей страны, какие черносотенные звери собрались под видом земского съезда!». (Там же, автор ссылается: Товарищ. 1907. 13 июня). На следующий день, 14 июня 1907 г. в кадетской газете «Речь» появилось выражение «политические зубры». По словам же кадетской деятельницы А.В. - Тырковой-Вильямс, прозвище закрепилось за Марковым после того, как он произнес с думской трибуны фразу: «Мы, правые, такая же редкость, как зубры» (*Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. М., 2007. С. 333). Марков неоднократно возвращался к этому сравнению, называя консервативное курское дворянство «зубрами» (см., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1910. Стб. 477).

⁶ *Кириянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 80.

⁷ [Аристархов А.А.] Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Воспоминания А. Аристархова. Курск, 1923. С. 15.

⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917) / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 216.

⁹ *Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа. С. 524.

¹⁰ *Гершельман А.С.* Эмиграция // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. А.А. Иванов при участии С.Г. Зирина. М., 2008. С. 536.

¹¹ *Стрелков А.Т.* Черная сотня в Центральном Черноземье. Курск, 2000. С. 27.

¹² См., напр., у В.В. Шульгина: «Курчавая голова «медного всадника» (как в насмешку называют Маркова-второго за его сходство с Петром Великим) приходит в движение» (*Шульгин В.В.* Дни. М., 1989. С. 120).

¹³ Речь. 1907. 6 ноября; Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 2. С. 211.

¹⁴ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М–76 (1). Л. 313.

¹⁵ *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. С. 334.

¹⁶ *Марков А.Л.* Кадеты и юнкера. Буэнос-Айрес, 1961. С. 132.

¹⁷ *Савенко А.И.* Политические письма. CLXVII. Марков и Пергамент / Волынская жизнь. 1908. 29 июня.

¹⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М–76 (1). Л. 255.

¹⁹ *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Апология эмиграции. М., 2001. Т. 1. С. 151.

²⁰ К аресту Маркова // Курская быль. 1917. 15 июня.

²¹ Цит. по: *Фомин С.В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 397.

²² *Якобий П.И.* Император Николай II и революция / Публ. С. В. Фомина. СПб., 2005. С. 288–289.

- ²³ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 256.
- ²⁴ Возрождение. 1926. 5 апреля.
- ²⁵ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 77.
- ²⁶ Цит. по: *Фомин С.В.* Наказание правдой. С. 397.
- ²⁷ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 169–170. «Вообще на меня он произвел сильное впечатление», – писал А.А. Блок в своем дневнике, отмечая, что «ничего общего с тем, что есть в этом человеке, газеты не передавали» (Там же).
- ²⁸ *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912–1917) // Историк и современник. Историко-литературный сборник. Берлин, 1922. Т. 2. С. 19.
- ²⁹ *Ромов Р.Б.* Фракция правых в III Государственной думе (1907–1912): Дисс. ... к. ист. н. М., 2003. С. 416. Автор ссылается: ГА РФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 359. Л. 182 об.
- ³⁰ *Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. С. 145.
- ³¹ РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 233. Л. 58.
- ³² ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 322.
- ³³ Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 174.
- ³⁴ *Игнатьев А.А.* 50 лет в строю. М., 2002. С. 452.
- ³⁵ *Шидловский С.И.* Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 1. С. 210.
- ³⁶ *Шульгин В.В.* Воспоминания. 1917–1918 // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 169.
- ³⁷ *Савич Н.В.* После исхода: Парижский дневник. 1921–1923. М., 2008. С. 261.
- ³⁸ *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. С. 333–334.
- ³⁹ Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 211.
- ⁴⁰ Цит. по: *Ромов Р.Б.* Марков Николай Евгеньевич // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия. М., 2009. С. 412.
- ⁴¹ Цит. по: *Ромов Р.Б.* Марков Николай Евгеньевич // Общественная мысль Русского зарубежья: энциклопедия. М., 2009. При этом, как следовало далее из характеристики, данной Н.Е. Маркову Ильиным, лидер правых не имел «ни духовной ширины, ни научно-воспитанной совести, ни чуткости, ни такта духовного». Помимо этого, говорилось далее, Марков «одержим (искренне, страстно, «тенеброзно») манией антисемитизма: в основе этого у него мания преследования, с которой он не справляется или справляется редко и с трудом» (Там же).
- ⁴² *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 94.
- ⁴³ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 169–170.
- ⁴⁴ *Гершельман А.С.* Эмиграция. С. 578.
- ⁴⁵ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 78.

- ⁴⁶ Утро России. 1915. 22 июля.
- ⁴⁷ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. С. 344.
- ⁵⁰ *Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа. С. 538.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 543, 564.
- ⁵³ *Ознобишин А.А.* Воспоминания члена IV-ой Государственной думы. Париж, 1927. Париж, 1927. С. 214–215.
- ⁵⁴ На эту же черту указывал и такой видный правый деятель, как К.Н. Пасхалов, назвавший Н.Е. Маркова в одном из своих писем «интриганом» («Не понимают величия русской государственной идеи». Переписка К.Н. Пасхалова. 1914–1917 гг. // Источник. 1995. 6. С. 33). По оценке Н.Н. Жеденова, Марков добивался своих целей «интригами, заговорами и грубостью» (*Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа. С. 563).
- ⁵⁵ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.
- ⁵⁶ Там же. Л. 259.
- ⁵⁷ *Жеденов Н.Н.* Гроза врагов русского народа. С. 533, 542, 559.
- ⁵⁸ *Серегин А.В.* Высший монархический совет операция «Трест» // Вопросы истории. 2012. 11. С. 70.
- ⁵⁹ *Савенко А.И.* Политические письма. CLXVII. Марков и Пергамент / / Волынская жизнь. 1908. 29 июня.
- ⁶⁰ В том же 1908 г. известный журналист А.И. Ксюнин отмечал, что Н.Е. Марков «почти всегда корректный и сдержанный» (*Ксюнин А.* В кулуарах // Новое время. 1908. 22 июня.)
- ⁶¹ Биржевые ведомости. 1915. 10 августа.
- ⁶² Цит. по: *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 368.
- ⁶³ Цит. по: *Богоявленский Д.Д.* Проблема лидерства в Союзе русского народа. М., 2012. С. 165.
- ⁶⁴ Письмо Б.М. Голованова – А.А. Иванову // Личный архив автора.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Письмо Б.М. Голованова – А.А. Иванову // Личный архив автора.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 256.
- ⁶⁹ Там же. Л. 261.
- ⁷⁰ Архив ДРЗ. Ф. 1. Д. М-76 (1). Л. 255.
- ⁷¹ Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л., 1990. С. 174.
- ⁷² *Соловьев Ю.Б.* Указ соч. С. 175.